Для цитирования: Подопригора А. В. Левиафан и сеть: философия власти в цифровом обществе // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 7–17.

УДК 1:3

ЛЕВИАФАН И СЕТЬ: ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Подопригора Александр Васильевич,
Научно-образовательный центр
Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук
и Челябинского государственного университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, д. 70б.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности генезиса, взаимосвязи и коэволюции технологической и институциональной сред постиндустриального социума, базирующегося на электронных платформах и коммуникациях. Обосновывается вывод о том, что сбалансированность, динамика и перспективы развития сетевого информационного общества обусловлены адекватностью и синергией интерактивных цифровых технологий, этоса и институциональной архитектуры гражданского общества и правового государства.

Ключевые понятия:
информация,
цифровые технологии,
постиндустриальное общество,
сети,
интерактивность,
коммуникация,
институты,
интернет,
блокчейн,
демократия.

Сети: технологии или институты?

Очевидная ставка политиков (особенно российских) на новые цифровые технологии востребует анализ взаимосвязи последних с феноменом «сетевого общества» и уточнение его содержания, так как требуется гораздо лучше понимать, как соотносится структура электронных коммуникаций с институциональными основами постиндустриального социума, как это соотношение влияет на его динамику и перспективы. Является ли цифровое общество и цифровая экономика по определению сетевыми? Что такое *сеть* как структурная основа современного социума? Является ли это понятие сугубо технологическим и аксиологически нейтральным, свободным от этоса и политического содержания, определяемых культурой и историей конкретного общества? Могут ли цифровые сети сами по себе, вне системы адекватных социальных и политических институтов, обеспечить развитие той или иной страны? Может ли постиндустриальной сетевой экономике соответствовать социально-политическая среда индустриального, доиндустриального или «гибридного» социума – и что это будет значить для перспектив такой экономики и такого общества?

Это во многом старый вопрос о «яйце и курице»: что первичнее – технологии или ценности, «производительные силы» или «производственные отношения»? Сегодня, когда Интернет, big data, краудсорсинг, блокчейн и майнинг представляются многим лидерам «волшебными палочками», способными по-новому обосновать их доминирование и планы, оставляя за скобками повестку политического участия, модернизации институтов, балансов децентрализации и государственного регулирования, ясность в этих вопросах представляется необходимой.

Уже Д. Белл, чьи труды, написанные в 70-е годы XX века, легли в основу теории постиндустриального общества, видел принципиальную важность таких дефиниций. Он предлагал одновременно различать и рассматривать в комплексе вопросы собственности, развития технологий и организации власти, культуры, исторических традиций, признавая их равную значимость и преобладающую роль на отдельных отрезках развития в различных странах. Белл замечал, например, что США и СССР были равно индустриальными обществами – при том, что социальная организация в первом

случае была капиталистической и демократической, а во втором – «государственно-коллективистской» (при этом Индонезия и Китай были в равной степени доиндустриальными, но первая – капиталистическим, а второй – государственно-коллективистским обществом) [3, с. CXLVIII]. То есть один и тот же производственный «базис» мог (по крайней мере, временно) иметь разные социально-политические «надстройки».

Результаты дальнейшего развития не отменили эти подходы, но внесли существенные коррективы: СССР как «коллективисткое» государство рухнул, а наследовавшая ему РФ эволюционировала (пусть и своеобразно) по своему политическому устройству к западным демократиям, оставаясь частью европейской цивилизации. Китай и Индия по-прежнему демонстрируют свою цивилизационную специфику, однако их индустриальное и постиндустриальное развитие «контекстно связано» (выражение В. Цымбурского) с адаптацией к пространству права и экономических отношений, сформированному в Европе и Северной Америке: сегодня это уже не синтез, а симбиоз парадигм, практик и ресурсов, где культурные и политические особенности не отвергают, а обеспечивают глобальное единство ключевых норм. Подтверждается, что стрежневые технологии, определяющие экономический «базис» современного общества, востребуют адекватную институциональную архитектуру, существенно меняя социумы, политику и культуру.

Белл видел суть этой глобальной социальной трансформации в том, что основой постиндустриального общества являются информация и знание, «экономика информации» отличается по своей природе от «экономики товаров», а общественные отношения, возникающие благодаря использованию новых информационных сетей, не соответствуют прежним социальным моделям. «Особенности постиндустриального общества таковы, что как тенденция его черты будут неизбежно проявляться во всех индустриальных системах, и степень, в какой это происходит, зависит от множества хозяйственных и политических факторов», – прогнозировал Белл (3, с. CLIX).

Эти особенности современного постиндустриального социума описал М. Кастельс, сформулировав главную на сегодня научную концепцию нового общества. Он называл его «информациональным» и «сетевым», причем обе характеристики выглядят сущностными, пересекаясь и обуславливая друг друга: «Одной из ключевых черт информационального общества является сетевая логика его базовой структуры, что и объясняет концепцию «сетевого общества» [7, с. 9].

Действительно, *информационным* человеческое общество, основанное на осмысленной коммуникации, было всегда, однако в ходе исторического развития меняются типы, топологии и технологии коммуникационной сети, что приводит к содержательным переменам в морфологии социума. Суть этих перемен в том, что «информациональное» сетевое общество – это общество, в котором главным ресурсом является не просто информация, а такие способы ее электронной генерации и обработки, которые эффективны только вне присущей традиционному и индустриальному обществам организации социальных коммуникаций. На смену иерархиям власти, монополизирующим производство смыслов и их вертикальную трансляцию, приходит морфология *сетей* как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих узлов коммуникации, каждый из которых достаточно автономен и существенно важен для сети; теперь именно логика сети, а не потребности иерархий определяет ценность того или иного узла, *включая или исключая* его из информационного потока.

Само государство в *сетевом обществе* как «конфигурации глобальных, национальных и локальных сетей в многомерном пространстве социального взаимодействия» становится «просто узлом (хотя и важным) определенной сети (политической, институциональной или военной), пересекающимся с другими значимыми сетями в процессе социальной практики» [6, с. 43, 36]. При этом ключевым коммуникационным узлом глобальной информационной сети становится социальный субъект, способный свободно продуцировать и обрабатывать информацию [11, с. 49] – индивидуум или группа, которые также являются потребителями государственных услуг, чьи форму и стоимость они определяют сами, а суверены и юрисдикции начинают конкурировать между собой привлекательностью социальных и коммерческих сред. Пытаясь ограничить суверенитет личностей, «государства могут только выдавить их из себя, но подчинить их они чаще всего уже не в состоянии», отмечает В. Иноземцев [5].

Кастельс определяет новую социальную структуру как *сетевое общество* потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство… Не

все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные прединдустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [7, с. 505].

Все это превращает сеть в институциональную инфраструктуру общества, построенного на автономии индивидуальных узлов, постоянных адаптациях и реконфигурациях социальной системы под влиянием информационных потоков и технологий, востребуя тип социальных институтов, адекватных процессам децентрализованной интерактивной коммуникации; однако ни такая коммуникационная сеть, ни такая институциональная среда не возникают вдруг на «пустом месте»: они находятся в состоянии диалектического единства, постоянно рождаясь одна из другой.

Повестка «цифрового» будущего неизбежно приобретает социально-политическое звучание: требуется понимать, почему *именно сеть* является основой современного общества как перспективного социального проекта? Почему сеть стала базовой структурой общества *именно сейчас* и какую именно институциональную среду она востребует?

Отступление иерархий: социальный аспект цифровой реальности

Обращаясь к этой теме, исследователи, как и политики, часто ищут ответы вне этоса, онтологии и институциональной природы современного общества, видя в сети «сугубо технический феномен новых коммуникационных технологий» [12, с. 61]. Такое понимание представляется очевидно неполным.

Прежде всего потому, что цифровая реальность глобального постиндустриального общества – это новый *вид* информационной реальности. Ее специфика определяется тем, что цифровая реальность, по нашему определению, это такой этап саморазвития информационной действительности, где знаковые системы радикально отделяются от природной и индустриальной среды и трансформируют социум посредством революционных компьютерных технологий в *электронно-цифровую среду* как «третью природу»: совокупность сложных, операционально замкнутых информационных систем, объединенных в сетях электронных коммуникаций и функционирующих по законам и нормам, отличным от классических физики, естествознания и социологии.

Сетевой профиль единого киберпространства существует поверх рамок и норм «доцифровых» физического, биологического, психологического и социально-политического пространств, интегрируя и преломляя их в мире *цифровых объектов и коммуникаций*, высвобождающемся из-под гравитации физической предметности, радикально меняя статус и поведение информационных объектов и процессов. «Сетевая экономика», новые парадигмы вычислений, венчурный капитализм, цифровые платформы краудсорсинга, интернет и блокчейн, криптовалюты, смарт-контракты и другие технологии интерпретации данных и искусственного интеллекта демонстрируют это особенно наглядно. Если реальность постиндустриального общества тождественна информации [4], то она выступает как коммуникационный поток в сетях, а сами сети становятся имманентной структурой цифровой реальности.

Как отмечает Е. Князева, комментируя подходы Кастельса, сети децентрализуют и распределяют принятие и исполнение решений. Они действуют на основе бинарной логики: включение/исключение; все, что входит в сеть, полезно для нее, что не входит – не существует с точки зрения сети и может быть элиминировано. Если узел сети перестает выполнять полезную функцию, он отторгается ею и сеть реорганизуется. Некоторые узлы более важны, чем другие, но они все необходимы до тех пор, пока находятся в сети. Не существует системного доминирования узлов, их значение определяется накоплением большей информации и более эффективного ее использования [10]; доминируют не центральные узлы, а узлы переключения, следующие сетевой, а не командной логике. В этом контексте представление о свободной личности как ключевом узле сети цифровых коммуникаций исключает трактовку такой сети как «чисто технического феномена».

При этом следует помнить, что сетевое, децентрализованное устройство социума известно со времен античности, когда развитие морских коммуникаций и городов вызвало к жизни первые формы демократии, а сеть полисов организовала социально-экономическую жизнь во всем

Средиземноморье, самом развитом тогда регионе мира. Таким образом, уже античность продемонстрировала глубокую связь между «сетевой экономикой» передовых коммуникаций (которые включали не только флот, но и фонетическое письмо, алфавит) и соответствующей институциональной средой, строящейся на автономии и равноправии «узлов» – свободных граждан, «хозяйствующих субъектов», городов и их объединений (аналогичные сети мы видим в итальянских и североевропейских городах эпохи Возрождения – им также соответствовали определенные формы протодемократии; сеть североамериканских колоний дала жизнь США с их федеративным и демократическим устройством).

Однако исторически иерархические социально-политические структуры долго доминировали над горизонтальными сетями. Кастельс видит причину этого в том, что «у децентрализованной сетевой формы общественной организации существуют требующие преодоления фундаментальные материальные ограничения, обусловленные наличными технологиями. Действительно, сила сетей – в их гибкости, адаптивности и способности к самонастраиванию. Однако за определенной гранью размера, сложности и объема потоков, *в условиях доэлектронной коммуникационной технологии* они оказываются менее эффективными, чем вертикально организованные командно-административные структуры» [6, с. 39]. Понятной в такой логике, видится, например, эволюция политического устройства Древнего Рима от республиканской формы правления к имперской именно в тот момент, когда масштабы завоеваний и размеры территории государства превысили возможности социальной коммуникации, обратной связи и регулирования в рамках полисной модели, где все вопросы решались представительным собранием граждан (сенатом в данном случае).

«Временной лаг замкнутого цикла обратной связи в процессе коммуникации был таков, что логика системы вела к одностороннему потоку передачи информации и директив. В этих условиях сети были расширением сконцентрированной на вершине вертикальных организаций власти, которая формировала историю человечества: государства, религиозные институты, военные диктаторы, армии, бюрократии» и т. п., пишет Кастельс [6, с. 39]. Индустриальная эпоха также востребовала топологию коммуникационной сети, построенной на унификации и централизации и нашедшей свое институциональное выражение в корпорациях и национальных государствах. Это происходило потому, что прежние, основанные на электричестве, коммуникационные технологии «были недостаточно мощными, чтобы обеспечить автономию всем узлам сети, поскольку эта автономия требовала разнонаправленности и обработки непрерывного потока интерактивной информации», подчеркивает Кастельс [6, с. 40].

Эти ограничения сняла «компьютерная революция» второй половины XX века и цифровые технологии электронной коммуникации, которые сделали *сети* наиболее эффективными формами социальной организации: теперь сетевое общество смогло полностью развернуться именно благодаря доступной электронной информации и коммуникационным технологиям, «выйдя за исторические ограничения сетей как формы социальной организации и интеракции» [6, с. 41].

А. Болховский также подчеркивает этот ключевой момент: «Одним из главных отличий, присущих постиндустриальному обществу, является *компрессия времени и пространства*, и, вследствие этого, изменение пространственно-временных факторов в человеческих взаимодействиях», продиктованное теми изменениями параметров информационного обмена, которые стали возможны благодаря новым достижениям информационных технологий, основанных на физике высоких скоростей и микроэлектронике [4]. Сетевое общество сегодня – это динамичная открытая система, генерирующая новации без утраты баланса, которая создает экономику, «основанную на обновлении, глобализации и децентрализованной концентрации; для труда рабочих и фирм, базирующихся на мобильности и адаптивности; для культуры с бесконечной деконструкцией и реконструкцией; для политики, направленной к моментальной обработке ценностей и общественных настроений, и для социальной организации, нацеленной на подавление пространства и уничтожение времени» [9, с. 37].

Именно отсутствие адекватной возможностям сетей технологии «подавления пространства и уничтожения времени» делало необходимым существование социальных и политических иерархий как «проводников» информации; появление такой технологии сделало сеть наиболее эффективной горизонтальной *социальной структурой*, привнеся в общество присущий ей этос свободы и обновив институциональную архитектуру. Там, куда она проникает, сеть требует

«апгрейда» социальной, а часто и политической «программы». Это касается не только авторитарных обществ, но и признанных демократий и федераций. Однако показательно, что и сегодня автократии живучи там, где главным ресурсом остаются природные богатства территорий, а демократии доказывают свою эффективность в обществах, построенных на информационных потоках и электронных коммуникациях как новой форме социальной интеракции.

Это связано именно с тем, что *сеть* как определяющая структура и система социальной коммуникации не является по своей сути сугубо техническим феноменом. Это социальное явление, возникшее и ставшее доминирующим в *определенной – европейской* – культурной парадигме, включающей сложность, разнообразие и интерактивность социальных субъектов, полицентричность и конкурентность, институциональное равенство статусов и саморегуляцию. Именно благодаря этим базовым принципам такой социум стал в цифровую эпоху глобальным. Это не вопрос идеологических предпочтений: просто за тысячи лет до появления первого компьютера именно в Европе стала складываться институциональная среда, максимально способствующая превращению информации в главный социальный ресурс. Тому есть серьезные культурно-исторические основания, которые мы рассматриваем в другой работе [15], здесь же просто подчеркнем этот факт.

Таким образом, социальная сеть современного постиндустриального общества – это процесс и пространство потоков интерактивной электронной коммуникации, узлами которой являются свободные индивидуумы и образуемые ими динамические идентичности и цифровые платформы – личности и группы, смыслы и структуры, информационные объекты, институты, программы и технологии.

Наш вывод основывается на том, что *сеть* как таковая, – это «паттерн контактов» [6, с. 37], способ производства и организации потоков информации как адаптации неопределенности и сложности мира для достижения цели – как в обществе, так и в других системах жизни (не случайно человеческий мозг – не заданная «программа», а сложнейшая интерактивная нейронная сеть). Если информация/коммуникация между людьми опосредована значительными пространственно-временными массивами, а главным ресурсом общества является обработка пространственных объектов, востребованы иерархии власти, организующие и монополизирующие коммуникацию в пространстве и времени, генерирующие и вертикально транслирующие цели и смыслы по единой магистрали. Эти иерархии выступают доминирующими узлами социальной сети, привилегированными авторами сообщений, которым общество *доверяет* сбор, хранение и использование информации. Такие общества регулируются ритуалами, традициями, идеологиями и другими институтами, охраняемыми и консервируемыми государством.

Когда пространство и время сжимаются электронной коммуникацией, а главным ресурсом значительно усложнившегося общества становится собственно информация (данные, средства обработки и коммуникации, контекст) вновь, как и в догосударственных обществах, доминируют прямые горизонтальные интерактивные контакты (уже в рамках глобальной децентрализованной цифровой сети) и индивидуально-общинное смыслообразование. Узлами сетей и авторами сообщений становятся индивидуумы и подвижные группы («электронные племена» по Делезу), общество фрагментируется и персонализируется, иерархии теряют значение ключевых узлов-посредников и часто становятся преградой развитию, превращаясь в информационные големы, работающие в логике собственного выживания. В то же время цифровой социум регулируется открытыми и постоянно меняющимися сетевыми протоколами коммуникации. Они носят распределенный характер и все меньше востребуют уполномоченных посредников (в том числе – политических), которым передоверялась прежде регистрация транзакций и распоряжение активами, хранение, обработка и трансляция информации. Такими технологиями выступают сейчас прежде всего интернет и блокчейн.

Демократия 2.0: институциональные технологии цифрового общества

Ключевая особенность сети электронных коммуникаций как социальной инфраструктуры современного общества заключается в ее универсальном технологическом характере, который невозможно игнорировать как бизнесу, так и политикам различных взглядов; цифровая социальная сеть в этом смысле знаменует исчерпание ресурсов идеологий и иерархий.

Это происходит потому, что коммуникация в социуме «все более плотно охватывается сетью *технических стандартов*,

которые опосредуют все социальные взаимодействия и заключают их в специфический технологический каркас, который можно именовать сетевой моделью», подчеркивает А. Болховский [4]. «Сетевая революция» [13] меняет социальную топографию, ибо цифровая сеть как новая социальная среда не отражает структуру общества, а формирует ее по математическим технологическим алгоритмам стандартам в «неэвклидовой социальной геометрии» [12, с. 74]. Культурным символом и рабочей моделью этой геометрии стал интернет (а следом – блокчейн) как «возникающая, изменяющаяся, развивающаяся информационно-коммуникативная структура современного общества», которая «осознается как процесс создания новой информационной реальности социума» [4].

Эта информационная реальность разворачивается у нас на глазах, будучи основана на меняющихся примерно каждое десятилетие *парадигмах вычислений*. Сначала это были мейнфреймы, затем персональные компьютеры, интернет, мобильные и социальные сети и, наконец, «пятая парадигма»: связанный мир вычислений, основанный на криптографии блокчейна, который выступает как многофункциональная многоуровневая автоматическая цифровая технология распределенного учета, хранения, мониторинга и совершения транзакций для активов любого рода – материальных (имущество, контракты, медицинские данные и т. д.) и нематериальных (идеи, репутации, права голосования, проекты и др.) [16, с. 15, 24].

Главная социальная инновация блокчейна заключается в том, что встроенные в систему механизмы саморегулирования и децентрализованные облачные функции защищают ее от любых попыток обмана, заинтересованного воздействия и манипуляций. Блокчейн-технология (в тесной связи с биткойнами) является *не требующим доверия* механизмом верификации транзакций в глобальной сети Интернет, так как ее архитектура открытого цифрового реестра, моментальных платежей и «умных контрактов» позволяет обходиться без «доверенных посредников» (т. е. доверительных отношений с банками, деловыми партнерами, политиками, чиновниками правительств и т. д.), формируя глобальную «децентрализованную сеть доверия»; это особенно важно там, где государственный контроль, дефицит доверия и ограничительная экономическая политика затрудняют предпринимательскую и иную деятельность [16, с. 187, 88].

Это открывает новую эпоху универсальных социальных стандартов, которые де-факто становятся техническими, а потому императивными для участников цифрового общества. В свое время стандартизированные механизмы правового регулирования (договорное право, право собственности и т. д.) утвердили капиталистические отношения и заложили основы индустриального общества. Теперь стандартизированные операции с интеллектуальной собственностью могут стать новой платформой регулирования и развития цифрового общества – в силу того, что его главным ресурсом по факту являются идеи, коммуникации, информация.

По сути, блокчейн наполняет экономическим и социальным трафиком свободные магистрали сети Интернет и мобильной связи, а возможность уйти от многочисленных посредников и контролеров, передав функции верификации и регулирования транзакций цифровым алгоритмам, превращает систему «интернет-блокчейн» в институциональную структуру постиндустриального общества, так как обеспечивает качественно новую рабочую модель для *всех* видов децентрализованных взаимодействий (между людьми, между людьми и машинами, между машинами в рамках «интернета вещей» и т. д.).

Социальную систему развитого постиндустриального общества, немыслимую сегодня без культуры и технологий интернета (как индустриальное общество было немыслимо без телеграфа и СМИ), мы назвали *интерактивным обществом* в стадии цифровых коммуникаций, где моментальная обратная связь становится важнейшим принципом и платформой организации социума. Интерактивное цифровое общество – это и есть, своего рода, *социальный блокчейн* – децентрализованная (сетевая) система, обладающая памятью (электронным архивом); в ней нет разграничения между *трансляцией* и *тестированием*, изменения происходят в режиме реального времени именно в силу интерактивного характера системы – постоянного прямого взаимодействия «пользователей» и «программ», минимизирующего роль посредников в лице бюрократических иерархий и построенного на консенсус-алгоритмах [15, с. 17].

В «доцифровом» обществе функции «блоков» этого социального блокчейна выполняли традиционные социальные институты, а его «журналом» были исторические хроники, литература, правовые акты и СМИ. Теперь цифровые технологии дают возможность поместить эту сферу в рамки технических стандартов, которые невозможно

«обмануть» или обойти без потери качества социальных отношений. Проблемы здесь, как и новые возможности, неизбежны, так как столкновение «доцифрового» государства – Левиафана – с Сетью рождает попытки традиционных иерархий приспособить цифровые коммуникации для нужд собственного выживания и доминирования.

Как отмечает М. Кастельс, «в процессе коэволюции Интернета и общества происходит глубокая трансформация политического аспекта нашей жизни. Осуществление власти происходит, прежде всего, на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения. По аналогии с прежними историческими контекстами развитие этого процесса происходит весьма противоречиво» [8, с. 193].

На периферии, удаленной от центров рождения сетевых информационных технологий (не только пространственно, а именно культурно и институционально), социальные процессы осложняются, так как инновации привносятся в иную (иерархическую и традиционную) культурно-институциональную среду, создавая фрагментированные социумы, живущие одновременно в разных социо-культурных средах. Здесь формируются общества «ограниченного доступа» – *гибридные* системы социальной коммуникации и топологии сетей (к ним относится и РФ), где институциональные сети обратной связи используются патримониальными элитами для вертикальной трансляции смыслов и контроля за обществом в целях сохранения политической монополии, а свобода, конкурентность и приватность коммуникаций существенно ограничиваются. Это часто приводит к «искривлению» информационного пространства, имея следствием неадекватные «отклики» и управленческие реакции системы, потерю динамики социума.

Перспективы таких социумов в глобальном сетевом мире зависят от того, насколько новые информационно-коммуникационные технологии будут адаптированы институциональной средой, отторгнуты ею или успешно изменят ее в процессе «цифровизации». Проблема заключается в том, что концепт постиндустриального сетевого общества, как уже отмечалось, не является аксиологически нейтральным и сугубо технократическим – главными социальными ценностями, предопределившими рождение и развитие интернета, а вместе с ним – всего современного сетевого общества, М. Кастельс называл свободу и открытость, чьи корни, в свою очередь, уходят в эпоху европейского Просвещения и далее в глубины античной истории: это «культура веры во врожденную полезность научно-технического развития как ключевой составляющей прогресса человечества», а «главным звеном в этой системе ценностей является свобода. Свобода творить, свобода использовать любые доступные знания и свобода распространять их в любом виде» [8, с. 55, 64].

«Эта парадигма свободы имела под собой как технические, так и институциональные основания, – подчеркивает Кастельс. – Технически ее архитектура ни чем не ограниченной организации компьютерных сетей базировалась на протоколах, которые трактуют цензуру как техническую неполадку и просто обходят ее в глобальной сети, превращая контроль над последней в весьма трудную (если только вообще разрешимую) проблему. Это не какая-то особенность Интернета, это сам Интернет, каким он был произведен на свет его создателями» [8, с. 198].

Будучи ключевым типом социальной коммуникации определенного социума, чьи институты стали теперь глобальными и сетевыми, интернет и блокчейн эффективно работают лишь в синергии с адекватными общественными институтами. В противном случае цифровые потоки скорее служат «выключателем» устоявшихся норм, дезорганизуя архаичные иерархии и «обтекая» их в поисках «своей сети» – модернизированных институтов политического участия и представительства, верховенства закона, подотчетного правительства, защиты собственности, независимых СМИ, судов и проч. [18, с. 37].

Примерно это же делали в свое время печать и радио, телефония и спутниковое ТВ, постепенно лишая государства монополии на информацию. Принципиальная разница заключается в том, что сегодня коммуникационные сети стали глобальными, а исключение из сети коммуникаций, которое и ранее маргинализировало пространственный социум, в социуме информационном делают утрату позиций невосполнимой, так как быстро меняющиеся технологии невозможно полноценно *заимствовать*, использовать и развивать вне соответствующей институциональной архитектуры. Суть дела не в полноте заимствования институтов развитых постиндустриальных

обществ, а в понимании безальтернативности их адаптации.

По А. Барду, власть в сетевом обществе – не иерархии, а совокупность «сетевых пирамид», встроенных одна в другую; здесь «власть происходит из временных, нестабильных, аморфных альянсов, а не из какой-то конкретной географической точки или устойчивого конституционального образования... Представления, что все важные виды человеческой деятельности контролируются из центра, вышли из употребления. В виртуальном мире просто нет центра» [2, с. 198].

Понятно, отчего это происходит: власть всегда была смыслообразованием, сообщением, транслируемым обществу из того или иного центра. Однако поскольку основным узлом цифровой сети становится *свободный* социальный субъект, способный самостоятельно генерировать сообщения, организовывать коммуникацию и самокоммуникацию в электронной среде, творить смыслы в новой интерактивной, полицентричной сети, социальный контакт превращается из вертикальной трансляции в бинарную коммуникацию и интеракцию [12, с. 70]; теперь именно интерактивное сообщение становится социальной единицей, рождая «персонализируемое сообщество» (выражение Кастельса). Происходит децентрализация авторства, производство власти окончательно становится распределенным и полицентричным.

Поэтому речь идёт об ослаблении символической власти традиционных отправителей сообщений; в первую очередь – центров власти, управляющих посредством исторически закодированных норм и социальных привычек, таких как религия, мораль, авторитет, традиционные ценности, политическая идеология [4]. Это можно представить также как масштабный кризис доверия, который повсеместно распространяется сейчас в отношении традиционных «посредников» в лице иерархических структур – носителей власти и авторитета, которые всегда стояли ранее между участниками рынков (экономических, финансовых и политических) и их возможностями безопасно и эффективно осуществлять свои действия.

Цифровые технологии дают ответы на эти вызовы, одновременно являясь «подрывными» для традиционных социальных систем, выстроенных на неформальных «доверительных» отношениях внутри патримониальных элит и между участниками социальных транзакций вообще. В частности, открывая возможности «блокчейн-правительства» как использования блокчейн-технологии для эффективного, дешевого и персонализированного оказания услуг, традиционно предоставляемых государством. Правительство в таком случае становится больше похожим на бизнес, чем на государственную монополию, оно будет активнее строить отношения с гражданами-потребителями, предлагая им выгодные условия и качественные услуги – последние смогут выбирать юрисдикции как набор сервисов. Разумеется, это дело будущего, поскольку востребует как широкое распространение более мощных компьютерных систем, так и рост благосостояния обществ и политического участия, однако такие перемены сейчас происходят очень быстро – в тех случаях, когда институциональная среда им благоприятствует.

Это много значит для будущего демократии, которую новые технологии неизбежно затронут и преобразуют. Так как идея Сети – это идея синергии, самоорганизации, саморазвития и самоконтроля, политически это идея демократии и гражданского общества, которые цифровая сеть обновляет в разнообразии новых форматов инклюзивности, учета мнений, голосований, делегирования полномочий и прав (модели «гибкой», партисипативной и «мониторной» демократии, футархии и др.), возрождая на ином технологическом уровне и в иных масштабах *феномен полиса*.

Ключевые политические модели вообще чрезвычайно устойчивы, поскольку в их основе лежит, по выражению Кастельса, «осмысленная коммуникация, составляющая сердцевину существования человеческого вида» [6, с. 41]. Примечательно, что уже Аристотель понимал государство как «своего рода общение» (т. е. коммуникацию), которое «организуется ради какого-нибудь блага» [1, с. 15]. А главными проблемами демократии философ видел, говоря современным языком, качество коммуникации и политического участия в государственной деятельности и управлении. Гражданином для Аристотеля является лишь тот свободный человек, который, будучи «общинником государства», принимает участие в законотворчестве и судах, однако обеспечить такое политическое участие *всех* граждан было затруднительно с точки зрения организации (полисная демократия плохо масштабируется) и последствий для качества управления. Если первая проблема отчасти снималась небольшими размерами греческих полисов, то вторая предполагала решающую роль в важных государственных вопросах

малоимущей и необразованной массы населения. Оттого Аристотелю представлялась идеальной формой правления «аристократия» как «власть достойнейших» (сегодня мы бы назвали это меритократией, как ее понимает Д. Белл для постиндустриального общества – «социальное устройство, основывающееся на приоритете образованного таланта» [3, с. 573]).

Интернет и блокчейн способны технологически снимать эти «вечные» изъяны демократии, делая возможным в условиях сложного, сильно дифференцированного социума синтез демократии и меритократии в масштабах мегаполисов, государств и транснациональных образований. Речь, конечно, не идет об одномоментной замене традиционных выборов электронным голосованием. Однако повсеместное распространение разнообразных мобильных приложений, опросов, дебатов и онлайн-голосований по актуальным темам (в рамках проектов *смарт-сити*, например) значит на деле гораздо больше для расширения политического участия, поскольку позволяет более полно и быстро учитывать и реализовывать настроения и потребности сильно сегментированного населения, для которого цифровые устройства уже стали жизненно важным «расширением» (по М. Маклюэну) собственной личности. Эту же функцию «таргетирования политики» во всех крупных избирательных кампаниях последнего времени реализуют технологии работы с «большими данными».

Л. Становая справедливо видит в социальных сетях, big data, цифровых платформах краудсорсинга и государственных услугах через интернет «новый век формирования, если угодно, коммуникационной демократии. Спустя сотни лет общества вернули теперь уже технологическую возможность прямого взаимодействия с контрагентами, в том числе и с государством». Это снова делает актуальной повестку прямой демократии и прямого участия, ибо «цифровые технологии создают условия для лучшего анализа общественных настроений, для прямой связи власти и общества, где представителей народа – партии и политиков – будут теснить цифровые платформы. Цифровая революция, таким образом, чревата переформатированием не только мирового рынка труда, но и политического мира – профессии политика, института политических партий» [17].

В общем смысле это означает, что в «цифровой версии» глобального постиндустриального общества резко сокращаются роль и возможности централизованного регулирования и контроля; одновременно растет цена адекватности интерпретаций и решений в сегментированной цифровой социальной среде, которая формируется и постоянно меняется множащимися смыслами, транзакциями и сообщениями миллионов акторов/авторов интерактивно и мгновенно. Демократия как модель политической организации полисубъектного общества с распределенной властью принципиально отвечает такого рода вызовам. В то же время иерархически организованные, ригидные социумы, где элиты видят шанс самосохранения в ограничениях коммуникаций и обратной связи для укрепления своей монополии на ресурсы территорий, выглядят обреченными на стагнацию и отсталость. Административные препятствия не удерживают сетевые смыслы и потоки, а выталкивают их из общества; информационные и людские ресурсы утекают из *травмированных* сетей в открытые кросссистемные социумы, что приводит к упадку те, которые они покидают, ведь сеть – полимагистральная структура.

Таким образом, основания философии власти в цифровой реальности сетевого общества серьезно трансформируются, отражая смену главного социального ресурса, которым становится информация и способы обращения с ней; адекватность институтов социума этосу и платформам глобальной цифровой сети становится главным фактором статуса и перспектив того или иного общества.

Власть больше не может воспринимать социум как *объект* наблюдения, программирования и контроля, ее роль теперь – функция одного из ключевых узлов социальной сети, которая должна акцептироваться ее участниками в режиме реального времени, иначе властная иерархия опознается сетью как препятствие потокам и элиминируется. Для того чтобы преуспеть в цифровых реалиях, власть должна не отстаивать, а отказаться от фактически уже утраченной монополии на информацию и смыслы и их вертикальную трансляцию, гораздо больше учитывать выявляемые в цифровой среде настроения и планы многочисленных авторов сообщений вместо попыток имитировать их через подконтрольные масс-медиа. Это повестка культуры, философии и институтов, а не инструментов и технологий, в том числе политических [14].

Понимание современного постиндустриального социума как интерактивного сетевого общества в формате цифровых

коммуникаций и платформ наполняет новым содержанием такие давно известные институты, как верховенство закона, равенство статусов, политическое участие и представительство, подотчетное правительство. Именно они, трансформируясь технологически, принимают на себя роль институциональных магистралей цифровых потоков, вне которых эффективное движение социума, ведущее к прогрессу, становится невозможным.

1. Аристотель. Политика. М. : Академ. проект, 2015. 318 с.

2. Бард А., Зондерквист Я. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петеребурге, 2004. 252 с.

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Academia, 1999. 956 с.

4. Болховский А. Л. Информационно-сетевое общество: социально-философский анализ. URL: http://www.dissercat.com/content/informatsionno-setevoe-obshchestvo-sotsialno-filosofskii-analiz (дата обращения: 23.12.2017).

5. Иноземцев В. Л. Сам себе суверен. URL: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10984094.shtml (дата обращения: 23.11.2017).

6. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ИД ВШЭ, 2016. 564 с.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

8. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.

9. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века : тез. докл. Междунар. конф. М., 1998. С. 36–48.

10. Князева Л. И. Концепция сетевого общества М Кастельса. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2622 (дата обращения: 23.12.2017).

11. Лысак И. В., Косенчук Л. Ф. Современное общество как общество сетевых структур // Информационное общество. 2015. № 2–3. С. 45–51.

12. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. № 7, 2008, с. 61–75.

13. Олескин А. В. Сетевое общество: его необходимость и возможные стратегии построения. URL: http://spkurdyumov.ru/networks/setevoe-obshhestvo-ego-neobxodimost-i-vozmozhnye-strategii-postroeniya/3/ (дата обращения: 23.11.2017).

14. Подопригора А. В. Институт и инструмент. Глобальная неопределенность и социальная динамика // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 7–15.

15. Подопригора А. В. Интерактивное общество: понятие и генезис // Социум и власть. 2017. № 4. С. 14–23.

16. Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. М. : Олимп-бизнес, 2017. 240 с.

17. Становая Т. А. Возможна ли в России цифровая демократия? URL: http://carnegie.ru/commentary/75084 (дата обращения: 27.11.2017).

18. Фукуяма Ф. Государственный порядок. М. : АСТ, 2015. 688 с.

References

1. Aristotle (2015). Policy. Moscow, Academic project, 318 p. [in Rus].

2. Bard A., Zonderkvist J. (2004) Netократия. The new ruling elite and life after capitalism. Saint Petersburg, Stockholm school of Economics in Saint-Petersburg, 252 p. [in Rus].

3. Bell D. (1999) The Coming of post-industrial society. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].

4. Bolkhovskaya A.L. Information and network society: social-philosophical analysis, available at: http://www.dissercat.com/content/informatsionno-setevoe-obshchestvo-sotsialno-filosofskii-analiz (accessed 23.12.2017) [in Rus].

5. Inozemtsev V.L. Himself the sovereign, available at: https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10984094.shtml (accessed 23.11.2017) [in Rus].

6. Castells M. (2016) The Power of communication. Moscow, ID VSHE, 564 p. [in Rus].

7. Castells M. (2000) The Information age: economy, society and culture. Moscow, GU VSHE, 608 p. [in Rus].

8. Castells M. (2004) The Internet Galaxy: reflections on Internet, business and society. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 328 p. [in Rus].

9. Castells M., Kiseleva E. (1998) Russia and the network society / Russia in the late XX century: proc. Dokl. International. Conf. Moscow, pp. 36-48 [in Rus].

10. Knyazeva L.I. The Concept of the network society M. Castells, available at: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2622 (accessed 23.12.2017) [in Rus].

11. Lysak I.V., Kosenchuk L.F. (2015) *Information society*, no. 2–3, pp. 45–51 [in Rus].

12. Nazarchuk A.V. (2008) *Questions of philosophy*, no. 7, pp. 61-75 [in Rus].

13. Oleskin A.V. Network society: its necessity and possible strategies of building, available at: http://spkurdyumov.ru/networks/setevoe-obshhestvo-ego-neobxodimost-i-vozmozhnye-strategii-postroeniya/3/ (accessed 23.11.2017) [in Rus].

14. Podoprigora A.V. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 7–15 [in Rus].

15. Podoprigora A.V. (2017) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 14–23 [in Rus].

16. Swan M. (2017) Blockchain. The scheme of the new economy. Moscow, Olymp-business, 240 p. [in Rus].

17. Stanovaya T.A. Is it Possible in Russia for digital democracy? Available at: http://carnegie.ru/commentary/75084 (accessed 27.11.2017) [in Rus].

18. Fukuyama F. (2015) State order. Moscow, AST, 688 p. [in Rus].

For citing: Podoprigora A.V.
The Leviathan and the network: the philosophy of government in a digital society //
Socium i vlast'. 2018. № 2 (70). P. 7–17.

UDC 1:3

THE LEVIATHAN AND THE NETWORK: THE PHILOSOPHY OF GOVERNMENT IN A DIGITAL SOCIETY

Podoprigora Aleksandr Vasilyevich,
Scientific-Educational Center
Institute of Economics, Ural branch
Russian Academy of Sciences and
Chelyabinsk State University,
Senior researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences).
The Russian Federation, 454021,
Chelyabinsk, Molodogvardeytsev St., 70b
E-mail: agora821@gmail.com

Annotation
The article considers the features of the Genesis, interaction and co-evolution of technological and institutional environments of post-industrial society, based on electronic platforms and communications. The conclusion is that the balance, dynamics and prospects of development of the network of the information society with adequate and synergy of interactive digital technologies, ethos, and the institutional architecture of civil society and legal state.

Key concepts:
information,
digital technology,
post-industrial society,
network,
interactivity,
communication,
institutions,
Internet,
blockchain,
democracy.